

Коробенкова, Н. На свидание к отцу [об И.С. Афанасьеве] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. – 1996. – 5 марта (№ 15). – С. 2.

К 50-летию присвоения БСШ № 1 имени И.С. Афанасьева

На свидание к отцу

...СНАЧАЛА были слезы. Она переступила порог школьного музея, и в ее руках забелел платочек: «Конечно же, это ты, папочка. Прости, родной, что так долго шла к тебе. Я приехала с покаянием. Прости...»

Они смотрели друг другу в глаза: милая интеллигентная женщина и с портрета, большого; писанного маслом, — ее отёц. Я поразились их сходству. И пусть на портрете самодеятельного художника командир Бичурского партизанского отряда Иван Селиверстович Афанасьев в два раза моложе своей дочери, пусть он черноглаз и черноволос, а она—светлая и глаза — цвета спелого крыжовника, куда же денешь фамильные черты! Не случайно мама, Августа Максимовна, говаривала, бывало, дочери: «Ты будешь счастливая. Твое имя «Зоя» означает «жизнь», и ты так похожа на своего отца». О внешности таких людей, как Зоя Ивановна, которую я в первый и единственный раз видела на 76-м году ее жизни, в прошлом веке писали: «всем были видны следы былой красоты». Не хочется так говорить о Зое Ивановне. Она и сегодня (подумать только—на восьмом десятке лет!) красива красотой спокойной мудрости, светлого ума и доброго сердца. Город наложил отпечаток на ее речь, манеры, внешность, но где-то там, на самом доньшке души, сохранилось потаенное: что-то от деревенских корней, почти оборванных от партизанской Бичуры, от зова предков. Рядом стоял сын Борис, внук Ивана Селиверстовича, названный в честь брата матери, погибшего в сорок четвертом на Западном фронте. Время от времени в музейной тишине, нарушаемой негромким повествованием Зои Ивановны, щелкал полароид, запечатлевая стенды, посвященные гражданской войне, а после Борис Петрович сфотографирует могилу деда, школу и улицу, носящие его имя. Вся история прошла через их семью. Уже рукой подать до Двухтысячного года, до XXI века, а в тот день рассказ Зои Ивановны уносил нас в начало века двадцатого. Три войны: русско-японская, первая мировая, гражданская — и две революции. Личных воспоминаний об отце у нашей гостьи не было и быть не могло: ей было от роду два года, когда в бичурском лазарете на руках жены и местной активистки Марины Ястребовой он умер от раны в висок. «Его настигла японская разрывная пуля «дум-дум». — Так говорила мне мама», —

вспоминает Зоя Ивановна.

ДАВАЙТЕ послушаем «покаянную исповедь дочери» — так она назвала свое невеселое повествование.

«Мой путь к дорогой могиле отца Ивана Селиверстовича Афанасьева, героя гражданской войны, погибшего в борьбе с семеновцами, оказался длиной более чем в 70 лет. Да, к великому сожалению. В этом моя вина — но не только. Всё очень просто, почти банально. Вначале наша переписка с бичурскими родственниками была довольно регулярной. Но вот дети моего двоюродного брата Евдокима Леонтьевича Афанасьева «выпорхнули» из родного гнезда для продолжения, учебы, а сам он и его жена Арина Анфилоновна были неграмотными. Все мои и мамины попытки продолжить переписку были тщетны. Племянница Галина Евдокимовна тоже делала попытки разыскать нас, но ответы на ее запросы приходили отрицательные: она не знала моей фамилии по мужу: Золотухина. А тут еще частые переезды в места назначения мужа (он военный, умер в 1992 году), трое маленьких детей, потом внуки и как у всех, работа, работа, работа... Память об отце, как уголек, присыпанный пеплом, теплилась в душе, но не гасла и, увы, не разгоралась. И вот на закате жизни меня немислимо стало тянуть в Бичуру. Бичурский сельсовет, куда я обратилась с письмом, помог разыскать моих племянников. Трое из них живут и здравствуют в Бичуре. Естественно, родители их давно уже отошли в мир иной. Но встреча с родными — первая — состоялась, Я приехала из Красноярска со своим сыном, внуком Ивана Селиверстовича, на родину и на могилу моего дорогого отца.

Мне показали место, где стоял его дом. Сейчас там высокие — под небо — тополя... Родные провезли нас по улице, носящей имя И. С. Афанасьева, по другим улицам вашего удивительного села, и я не могла отделаться от ощущения, что когда-то, очень давно, я была здесь и уже видела все это. И как тепло стало сердцу, когда я узнала, убедилась: в Бичуре о нем помнят и чтут его память. Здесь есть средняя школа его имени, а в ней историко-краеведческий музей «Родина». Часть экспозиции посвящена событиям гражданской войны и моему отцу. Как приятно было увидеть, что здесь и в наше окаянное время не подстроились к тому, какой дует ветер за окном, не спрятали куда-нибудь в запасник документы, экспонаты, фотографий борцов за Советскую власть, что спокойно позволяют себе государственные музеи, вычеркивая целые пласты истории. Но ведь это же было, было! В школьном музее мы видели фотографии и реликвии Ермолая Логиновича Петрова, того самого, что после ранения отца в бою под Окино-Ключами принял на себя командование отрядом. Сожалею, что не смогла — за краткостью пребывания в Бичуре — встретиться с его сыном

Владимиром Ермолаевичем. Я благодарю его за то, что он бережно сохраняет архив своего отца, и записки Ермолая Логиновича о боевом командире увидели свет благодаря его сыну («Командир отряда». «Бичурский хлебороб», 28 апреля 1990 года. «Таким он был, мой боевой друг», «Бичурский хлебороб», 10 ноября 1989 года).

Я БЛАГОДАРНА и Григорию Ивановичу Громову — местному ветерану-журналисту. Еще 30 лет назад он по крупицам собрал сведения об И. С. Афанасьеве. И написал очерк по живым воспоминаниям современников, участников тех далеких событий. Сегодня, говорят, в Бичурском районе их не осталось ни одного. Два года назад умер последний. 90-летний красный партизан Федор Михайлович Фомин...

Я благодарна бичурянам за память о борцах революции, за то, что здесь не торопятся — как в иных местах — переименовать улицы Широких-Полянского, Петрова, Куренкова, Смолина, всех тех, рядом с кем прошла боевая жизнь моего отца. Не скрою, мои сведения о бичурском периоде его жизни были крайне скудны, хотя упоминания о нем есть во всех сборниках, посвященных партизанскому движению в Бурятии, начиная с издания 1933 года.

Воспоминания бичурян воссоздали облик отца, человека и командира. Вот некоторые вехи его биографии.

1896 год — Служба рядовым 4-го линейного батальона в Кяхте и Благовещенске. Участие в китайском походе. Звание — унтер-офицер.

1900 год — демобилизация в Чите в звании фельдфебеля.

1904 год — командир полковой разведки 16-го Сибирского стрелкового полка. За участие в русско-японской войне награжден Георгиевскими крестами и медалями. Произведен в звание зауряд- прапорщика.

1914 год — третий призыв в армию. Поручик 9-го Восточно-Сибирского полка.

1917 год — командир роты. Агитационная работа в Иркутском и Хабаровском гарнизоне. Май 1919 года — возвращение в Бичуру, работа в Бичурской большевистской организации. Формирование боевых дружин совместно с Андреем Мануиловичем Ивановым, Ильей Михайловичем Фоминым, Луфертом Фолуменовичем Васильевым, многими другими.

27 декабря 1919 года — Иван Селиверстович смертельно ранен в бою. Скончался на седьмые сутки — 3 января 1920 года.

По рассказам моей мамы, мой отец и моя мать встретились в Иркутске. Мама тоже происходила из бедной крестьянской семьи, но в это время она жила в Иркутске и служила горничной в богатой семье. Встретились в городском саду. Познакомились, подружились, полюбили друг друга. Вскоре

поженились. Мама была намного моложе отца. Он привез ее в Бичуру, познакомил со своими родственниками. Мама рассказывала: это был красивый, умный и добродушный человек. Будучи в чине, он никогда не обижал солдат, жалел их. Мама была горячая. «Вспылю, бывало,— вспоминала она, — а он: Гутя, успокойся». В 1918 году отец демобилизуется, и они живут в Хабаровске, а затем в Верхнеудинске. В этот период он работал часовых дел мастером. Я родилась в Китае на станции Чжалань-тунь в 1919 году, где отец служил на КВЖД. Подробностей об этом периоде жизни моих родителей я, к сожалению, не знаю. Знаю, что когда начался подъем революционного движения в Сибири, они вернулись в Россию, в Бичуру. Жили также в Цыцыкаре, в Маймачине (неподалеку от Троицкосавска). Здесь отец уже вплотную работал в революционном подполье, и нам приходилось менять место жительства, или спасаясь от преследований белогвардейцев или по заданию подпольного штаба. Добрые люди неоднократно выручали нас. В Маймачине маме пришлось спастись ночью, зимой. В чем была, выскочила, завернув меня в одеялко. Друзья отца переправили нас сначала в Троицкосавск, потом в Бичуру. Был даже такой случай, что маме как жене офицера, связанного с большевиками, пришлось побывать в семеновских застенках вместе со мной.

ПОСЛЕ гибели отца спустя годы, встретился на ее пути добрый человек, Матвей Федорович Иванов. Он удочерил и воспитал меня, не делая различия между мной и родными детьми. Матвей Федорович сначала кузнечил. Жили в Чикойском заводе, Шараголе, Верхнеудинске. Здесь я начала учиться в школе. Позже отчима по партийной и советской линии перемещали по службе. Желания никто не спрашивал. Так, в 32-м году мы оказались в Иркутске, где он работал в Совнаркоме. Здесь я закончила рабфак, а позже, уже в Красноярске, Сибирский технологический институт по специальности «инженер лесного хозяйства». Это был 1942 год. Разгар войны. Мы рвались на фронт. Случалось — и девочек брали. Но нам сказали: «Специалисты нужны в тылу» и направили на Дальний Восток, в Хабаровск. Я попала в Кур-Урминский леспромхоз «Хабаровсклес» инженером. Там я встретила свою любовь, Петра Александровича Золотухина. Он был командиром бронепоезда, капитаном. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Я действительно прожила счастливую жизнь. Мне нельзя жаловаться на судьбу, меня на работе и дома окружали внимательные, добрые люди. Потом я приехала к мужу в воинскую часть Амурской области, где муж был командиром. Пошли дети: Борис, дочь Ивета (мы были романтики: дали, ей французское имя), дочь Людмила. Сейчас в нашей семье семь внуков, 3 правнука. Я с 1976 года ушла окончательно на пенсию, а работала долгие годы

в Сибирском научно-исследовательском институте лесного хозяйства младшим научным сотрудником.

Я горжусь своим отцом, отдавшим — в числе тысяч других—свою жизнь в борьбе за Советскую власть, хотя сегодня это считается чуть ли не великим грехом. Хотя сегодня очень модно вытаскивать на белый свет всяких царских, княжеских и прочих «...ских» родственников, возвеличивая их и поливая грязью завоевания отцов и дедов. Нельзя быть неблагодарными потомками. Эти слова я в первую очередь адресую себе. Не передать, какое чувство горечи и стыда испытала, не увидев на памятнике отцу его имени... Вроде безымянная могила. Этот долг, а также изготовление мемориальной доски для школы, носящей его имя, если позволят бичуряне, мы возьмем на себя. Тем более, 1996 год — год 50-летия с того дня, когда школа получила имя Ивана Селиверстовича Афанасьева».

Зоя Ивановна и Борис Петрович приехали не с пустыми руками. В нашем музее не было ни одного подлинного документа, хоть как-то связанного с именем И. С. Афанасьева. Теперь рядом с красноармейской шашкой, берестяной пороховницей, землей с землянки Сергея Лазо найдут свое место фотографии прямых потомков первого командира Бичурского партизанского отряда, его дочери, внуков и правнуков. В витрине музея «Удостоверение» за номером 166, выданное в тридцать четвертом году Иркутским горисполкомом «на получение льгот бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям». «Предъявитель сего, — гласит документ, — Афанасьева Зоя Ивановна, действительно является дочерью Афанасьева Ивана Селиверстовича, находившегося в красногвардейском отряде». И, наконец, «Выпись из метрической книги родившихся за 1919 год. Выдана причтом Свято-Николаевской церкви. Ст. Чжалань-тунь КВЖД Владивостокской епархии». За номером 3 в этой «выписи» значит: «16 декабря 1918 года родилась, а 27 декабря крестилась новорожденная Зоя, дочь крестьянина Забайкальской области, Верхнеудинского уезда с. Бичуры Ивана Селиверстовича Афанасьева и Законной жены его Августы Максимовны, православного вероисповедания. Таинство крещения совершили священник Аркадий Левицкий с псаломщиком Василием Аникеевым».

Пусть они, отец и дочь, навсегда разлученные в немыслимо далеком 20-м году, — воссоединятся хотя бы под сводами школьного музея.

Нелли КОРОБЕНКОВА.